

МУНИРА ВАГИНА

Не обещанная ТЕБЕ

ТРИ СЕРДЦА.
ОДНА ПРАВДА.
И ЦЕНА СВОБОДЫ...

ЛЮБОВЬ
СТРАСТЬ
ВЫ

18+

Мунира Вагина

НЕ ОБЕЩАННАЯ ТЕБЕ

<https://litres.ru/74464579>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лейла привыкла сама решать, как ей жить. Но для Тимура её «нет» никогда не звучало окончательно. Их семьи давно знакомы, и он превратил давние разговоры о возможной свадьбе в уверенность: однажды Лейла всё равно станет его.

Всё меняется, когда в её жизни появляется Илья — спокойный мужчина, который не требует обещаний и не пытается удерживать. Рядом с ним Лейла впервые понимает: любовь может быть не борьбой за право владеть, а свободным выбором двух людей.

Но Тимур не готов отступить. Ревность превращается в давление, давление — в угрозы, а привычная жизнь Лейлы становится опасной игрой, где ошибка может стоить слишком дорого.

Чтобы защитить любимого, она готова отказаться от собственного счастья. Но однажды понимает: если страх решает за тебя, значит, победил тот, кто заставил бояться.

«Не обещанная тебе» — роман о любви и одержимости, семейных ожиданиях, ревности и праве женщины самой выбрать человека, рядом с которым она скажет: «Сегодня — да».

Содержание

Глава 1. Старый особняк	4
Глава 2. Кофе после работы	18
Глава 3. Человек, которого мне не выбирали	33
Глава 4. Ночная Москва	47
Глава 5. Первый поцелуй	62
Конец ознакомительного фрагмента.	77

НЕ ОБЕЩАННАЯ ТЕБЕ

Глава 1. Старый особняк

Старинный особняк на Остоженке казался Лейле слишком красивым, чтобы доверять первому впечатлению.

Он стоял немного в стороне от шумной улицы, будто за десятилетия научился не замечать машин, вывесок, стеклянных фасадов и людей, которые проходили мимо, не поднимая головы. Светлый камень стен потемнел от времени, лепнина местами осыпалась, а высокие окна отражали мартовское небо — холодное, прозрачное и совершенно безучастное к тому, что происходило внутри.

Лейла Асланова задержалась у ворот всего на мгновение. Она всегда так делала перед первым входом на новый объект: смотрела на здание снаружи и пыталась представить не то, каким оно было, а каким могло стать. Не красивее. Это слово она не любила. Правильнее.

Сегодня правильность предстояло отстаивать.

Она поправила ремень сумки на плече, быстрым движением собрала выбившуюся прядь тёмных волос и вошла во двор. Каблуки сухо отозвались по камню. В дверях её уже ждал прораб — низкий мужчина лет пятидесяти с красным лицом и телефоном в руке.

— Лейла Зауровна? — спросил он, хотя они виделись на

прошлой неделе.

— Просто Лейла.

— Виктор Петрович. Проходите. Только сразу предупреждаю: у нас тут сегодня опять реставраторы воюют.

— С кем?

— Со всеми.

Она улыбнулась.

— Значит, день будет интересный.

Внутри пахло известью, старым деревом, пылью и влажным камнем. В холле уже сняли поздние перегородки, открыв первоначальный объём помещения. Под временными лампами проступали остатки старой росписи. На полу лежали свернутые защитные покрытия, вдоль стены стояли ящики с инструментом.

Лейла прошла в центральный зал и остановилась.

Перед ней была та самая стена.

По проекту здесь должен был появиться высокий встроенный портал с латунными вставками и зеркалом, которое зрительно вытянуло бы помещение. Заказчица утвердила решение без единого замечания. Но теперь на месте будущего портала реставраторы раскрыли старую арочную нишу с остатками лепного обрамления.

Красиво. Исторично. И совершенно разрушало композицию.

— Вот, — сказал Виктор Петрович. — Нашли позавчера. Илья Сергеевич теперь говорит, что трогать нельзя.

— А где Илья Сергеевич?

— Где-то здесь.

— Очень удобно.

— Я всё слышу, — раздался мужской голос за её спиной. Лейла обернулась.

Он стоял в дверном проёме, держа в одной руке рулетку, в другой — планшет. Высокий, в тёмном свитере и рабочих брюках, испачканных строительной пылью. Никакой попытки выглядеть представительнее перед архитектором заказчика. Русые волосы коротко подстрижены, взгляд спокойный, серый и неприятно внимательный.

— Илья Соколов, — сказал он. — Руководитель реставрационной части.

— Лейла Асланова. Автор интерьера.

— Знаю.

Ей не понравилось это короткое «знаю». Будто он уже успел составить о ней мнение.

— Тогда вы знаете и то, что по согласованному проекту здесь должен быть портал.

Илья подошёл к стене и провёл пальцами по старому лепному фрагменту.

— Должен был быть. До того, как мы нашли это.

— Нишу можно законсервировать и закрыть конструкцией без повреждения.

— Можно.

— Тогда в чём проблема?

Он посмотрел на неё.

— В том, что через сто лет кто-нибудь откроет ваш портал и спросит: зачем они закрыли единственную сохранившуюся деталь этой стены?

Лейла медленно сняла перчатки.

— А через пять месяцев заказчица спросит меня, почему её гостиная выглядит как музейный зал, хотя она платила за современный жилой интерьер.

— Особняк восемнадцать девяносто шестого года. Он и есть немного музейный зал.

— Но жить в нём будут в две тысячи двадцать шестом.

Виктор Петрович тихо отошёл в сторону. Лейла заметила это и едва не улыбнулась.

Илья развернул планшет. На экране была фотография стены сразу после раскрытия.

— Посмотрите на пропорции. Арка связывает простенки и карниз. Если закрыть её вашим порталом, верхняя часть стены станет визуально тяжелее.

— Моим порталом?

— Вашим.

— Вы уже решили, что он плохой?

— Я решил, что он здесь лишний.

Вот теперь он ей определённо не нравился.

Лейла подошла ближе. Расстояние между ними стало почти слишком маленьким для делового разговора, но ни один не отступил.

— Илья Сергеевич, есть утверждённая концепция. Есть заказчик. Есть бюджет. Есть сроки. Я не могу каждую неделю переделывать проект из-за того, что стены решили сообщить нам очередную тайну.

— Стены обычно сообщают правду поздно.

— Как удобно для реставраторов.

Он впервые улыбнулся. Совсем немного.

— А для дизайнеров правда неудобна?

— Для дизайнеров неудобны люди, которые путают сохранение истории с запретом что-либо менять.

— Я ничего не запрещаю.

— Вы только говорите «нельзя» таким тоном, будто уже поставили печать.

— Хорошо. Тогда иначе. — Илья сложил руки на груди.

— Я не дам закрыть эту нишу, пока не будет решения научного руководителя проекта.

— Это уже похоже на запрет.

— Зато честно.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Лейла первой отвела взгляд. Не потому, что уступила. Просто увидела на стене то, чего раньше не заметила: тонкий след старого орнамента уходил от арки к потолку и действительно менял всю композицию.

Она подошла ближе, провела пальцем в воздухе, не касаясь поверхности.

— Здесь была роспись?

— Похоже на то.

— Почему её нет на отчёте?

— Потому что мы нашли её сегодня утром.

— И вы, конечно, собирались сообщить мне после того, как я окончательно согласую мебель.

— Я собирался сообщить вам сейчас.

— Какая предусмотрительность.

— Спасибо.

Она снова посмотрела на него. Он явно издевался, но настолько спокойно, что обвинить его было не в чем.

— Хорошо, — сказала Лейла. — До решения научного руководителя портал не трогаем. Но я хочу полный обмер ниши, фотографии орнамента и разрез стены к завтрашнему утру.

— К завтрашнему не получится.

— Почему?

— Потому что нормальный обмер занимает время.

— Сколько?

— Два дня.

— У вас есть один.

— Тогда будет ненормальный обмер.

— Илья Сергеевич.

— Лейла Зауровна.

— Просто Лейла.

Он задержал на ней взгляд чуть дольше, чем требовалось.

— Тогда просто Илья.

Она не ожидала, что его голос станет мягче всего на одном слове.

Виктор Петрович шумно выдохнул, словно присутствовал при подписании перемирия.

— Вот и договорились, — сказал он.

— Нет, — одновременно ответили Лейла и Илья.

Прораб поднял руки.

— Я вообще ничего не говорил.

Лейла отвернулась, пряча улыбку.

Оставшиеся два часа прошли в обходе помещений. Илья появлялся рядом то у лестницы, то в библиотеке, то на втором этаже, где реставраторы раскрыли старые дверные наличники. Он говорил мало, но каждый раз находил деталь, из-за которой ей приходилось останавливаться, смотреть и пересчитывать.

Это раздражало.

Ещё сильнее раздражало то, что несколько раз он оказывался прав.

В бывшей столовой Лейла планировала закрыть часть стены деревянными панелями, но под поздней штукатуркой обнаружился фрагмент первоначального декоративного фриза. В малой гостиной оказалось, что один из простенков уже на двенадцать сантиметров, чем стояло в старом обмере. На лестничной площадке Илья показал ей след от прежнего светильника и предложил восстановить его положение вместо запланированного современного бра.

— Только не говорите, что и здесь всё надо оставить как было, — сказала Лейла.

— Не всё.

— Наконец-то.

— Светильник можно сделать современным.

Она повернулась к нему.

— Вы сейчас серьёзно?

— Иногда я бываю опасно либеральным.

— Я заметила.

Он снова улыбнулся.

И именно в этот момент Лейла впервые увидела в нём не только упрямого реставратора.

Улыбка полностью меняла его лицо. Делала моложе, теплее и почему-то знакомее. Она задержала взгляд на секунду дольше, чем собиралась, и тут же посмотрела на стену.

— Тогда отметьте точку вывода, — сказала она.

— Уже.

— Вы всегда всё делаете заранее?

— Только то, что потом кто-нибудь обязательно попросит срочно.

— Это намёк?

— Наблюдение.

Она собиралась ответить, но телефон в сумке завибрировал.

На экране высветилось: «Тимур».

Лейла сбросила звонок.

Через несколько секунд телефон завибрировал снова.

Она даже не посмотрела.

— Можно отвечать, — сказал Илья.

— Можно не отвечать.

— Тоже вариант.

Никакого любопытства. Никакого вопроса: кто звонит?

Почему так настойчиво? Муж? Жених? Любовник?

Лейла неожиданно заметила, насколько привыкла к обратному.

Тимур спрашивал всегда.

Где ты?

С кем?

Почему не отвечала?

Когда будешь дома?

Поначалу это казалось почти смешным, потом — утомительным, а последние месяцы она всё чаще просто выключала звук.

Они поднялись на третий этаж. Здесь работы почти не начинались. Пыль лежала на подоконниках толстым серым слоем, паркет скрипел, из больших окон был виден город — крыши, голые ветви деревьев, башни нового делового центра далеко за рекой.

Лейла подошла к окну.

— Вот эту комнату я люблю больше всех.

Илья остановился рядом.

— Почему?

— Здесь ничего не хочется исправлять.

— Это комплимент зданию или усталость дизайнера?

— Зданию.

— Запишу в протокол.

Она рассмеялась.

Смех прозвучал слишком свободно для человека, с которым она познакомилась меньше трёх часов назад.

Илья посмотрел на неё и вдруг спросил:

— Вы всегда так спорите?

— Как?

— Будто от результата зависит государственная граница.

— А вы всегда так разговариваете с архитекторами?

— Только с теми, кто хочет закрыть лепнину латунью.

— Она была бы очень красивой.

— Не сомневаюсь.

— И снова это ваше «не сомневаюсь» звучит оскорбительно.

— Тогда придётся учиться интонации.

— Вам много чему придётся учиться, если мы будем работать вместе ещё полгода.

Он чуть приподнял бровь.

— Угроза?

— Предупреждение.

Теперь рассмеялся он.

Лейла поймала себя на том, что ей нравится звук его смеха.

Это было совершенно не нужно.

Она закрыла папку с чертежами.

— На сегодня всё. Завтра пришлите мне обмеры.

— Послезавтра.

— Завтра.

— Посмотрим.

— Илья.

— Лейла.

Она покачала головой и пошла к лестнице.

У самого выхода телефон снова завибрировал. Теперь пришло сообщение.

«Ты где?»

Лейла прочитала и убрала телефон.

Через минуту появилось второе.

«Я звонил три раза».

Потом третье:

«Ответить трудно?»

Она остановилась в холле. Раздражение было знакомым, почти привычным. Ей захотелось написать резко, но она не любила выяснять отношения в сообщениях.

Илья прошёл мимо, не глядя на экран её телефона.

— До завтра, — сказал он.

— До завтра.

— Обмеры не обещаю.

— Тогда до послезавтра не доживёте.

Он кивнул совершенно серьёзно.

— Теперь точно угроза.

И ушёл обратно в зал.

Лейла ещё несколько секунд смотрела ему вслед, потом вышла на улицу.

На дворе уже темнело. Воздух был холоднее, чем утром. Она застегнула пальто и направилась к машине.

Телефон зазвонил снова.

Тимур.

На этот раз Лейла ответила.

— Да.

— Ты где пропала?

Даже не «привет».

— Работала.

— Я три раза звонил.

— Видела.

— Почему не ответила?

Она открыла машину, положила сумку на пассажирское сиденье и только потом сказала:

— Потому что не хотела.

В трубке наступила короткая пауза.

Потом Тимур рассмеялся.

— Характер показываешь?

Лейла закрыла глаза.

— Нет, Тимур. Я просто не хотела разговаривать.

— Ладно, не сердись. Я рядом с твоим домом буду через час. Поужинаем.

— Я не собиралась ужинать с тобой.

— Теперь собираешься.

Он сказал это легко, почти шутливо.

Раньше Лейла, возможно, тоже перевела бы всё в шутку.

Сегодня почему-то не захотелось.

— Нет.

— Лейла.

— Я устала. Еду домой. Одна.

Пауза стала длиннее.

— Хорошо, — наконец сказал Тимур. — Завтра.

— Завтра я тоже работаю.

— Значит, после работы.

Она почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение.

— Тимур, я сама скажу, когда захочу встретиться.

— Что с тобой сегодня?

Лейла посмотрела через лобовое стекло на старый особняк. В одном из окон третьего этажа горел свет. На секунду в нём показалась высокая фигура Ильи и исчезла.

— Ничего, — сказала она. — Просто долгий день.

— Хорошо. Позвони, когда доедешь.

— Не обещаю.

— Лейла.

Она завершила звонок.

Несколько секунд сидела неподвижно, положив руки на руль.

Её тревожило не то, что Тимур был настойчив. Таким он был всегда.

Тревожило другое.

Сегодня впервые его уверенность в том, что он имеет право распоряжаться её временем, показалась ей не смешной и не утомительной.

Чужой.

Лейла завела двигатель.

Когда машина выехала со двора, она ещё раз посмотрела на особняк в зеркале.

Ей казалось, что день закончился обычным рабочим спором.

Она ещё не знала, что именно с этой стены, старой арки и мужчины, который отказался закрыть её латунным порталом, начнётся история, после которой ей придётся впервые в жизни ответить на гораздо более трудный вопрос, чем любой вопрос профессии.

Не как правильно.

А как хочет она сама.

Глава 2. Кофе после работы

Через три дня Лейла поймала себя на том, что знает, во сколько Илья появляется в особняке.

Это раздражало.

Не сам факт — люди, которые работают на одном объекте, быстро привыкают к чужому расписанию. Раздражало другое: она заметила это слишком рано.

Илья приходил без десяти восемь. Сначала проходил по первому этажу, проверял, что сделали рабочие за предыдущий день, потом поднимался к реставраторам. В половине девятого у него появлялся бумажный стакан с чёрным кофе. В девять он уже говорил по телефону с подрядчиками тем спокойным голосом, будто сроки никогда не срывались и никто не пытался переложить ответственность на другого.

Лейла обычно приезжала позже. Но в четверг была на объекте уже в восемь пятнадцать.

Себе она сказала, что хотела посмотреть утренний свет в парадной гостиной.

Это было правдой.

Просто не всей.

Старинный дом встретил её запахом штукатурки, древесной пыли и холодного камня. В гостиной через высокие окна падал мягкий золотистый свет. Он ложился на старый паркет и делал помещение глубже, чем на любом компьютерном

рендере.

Лейла остановилась у окна и мысленно убрала тяжёлые шторы, которые заказчик хотел видеть здесь по первоначальному проекту. Если оставить ткань лёгкой, комната будет жить вместе с дневным светом.

— Значит, вы всё-таки умеете приходить утром.

Она обернулась.

Илья стоял у дальней стены с папкой чертежей в руке. Светлая рубашка, закатанные рукава, тёмные брюки, строительная жилетка. Никакой нарочитости — и именно это почему-то бросалось в глаза.

— Иногда, — ответила Лейла. — Когда объект этого заслуживает.

— А вчера не заслуживал?

— Вчера ему было достаточно вас.

Илья чуть приподнял бровь.

— Это комплимент?

— Не привыкайте.

Он усмехнулся.

За три дня они успели поспорить из-за дверного проёма, потолочного карниза, цвета стен и старых латунных ручек. Лейла хотела заменить их точными копиями. Илья настаивал, что оригиналы можно восстановить.

Споры были профессиональными. По крайней мере, Лейла именно так их называла.

Но ей всё больше нравилось, что он не уступал из вежли-

вости. Мужчины иногда соглашались с красивой женщиной быстрее, чем следовало: чтобы понравиться или позже напомнить о собственном одолжении. Илья спорил так, будто видел перед собой прежде всего специалиста.

Это задевало.

И нравилось.

— Я хочу оставить окна почти открытыми, — сказала Лейла. — Без тяжёлых портьер.

— Заказчик просил исторический интерьер.

— Исторический — не музейный.

Она разложила на подоконнике образцы ткани.

— Вот. Лён с шёлком. Днём почти исчезает, вечером работает внутренний слой.

Илья провёл ткань между пальцами.

— Хорошо.

— Что хорошо?

— Ваш вариант.

Лейла посмотрела на него подозрительно.

— Вы согласились со мной?

— Не рассказывайте никому. Репутация пострадает.

Она рассмеялась раньше, чем успела сохранить серьёзное выражение лица.

Илья задержал на ней взгляд всего на секунду дольше обычного.

Потом снова посмотрел на окно.

К десяти особняк наполнился голосами. Приехал элек-

трик, затем представитель заказчика, потом подрядчик по вентиляции. Лейла переходила из комнаты в комнату, соглашывалась, спорила, делала пометки. Илья появлялся рядом то с чертежом, то с вопросом реставраторов.

В половине первого они столкнулись у лестницы.

— Обедаете? — спросил он.

— Когда успеваю.

— То есть нет.

— Вы теперь следите ещё и за моим режимом?

— Нет. Просто час назад вы пытались доказать электрику, что розетка способна разрушить архитектурную концепцию.

— Она действительно могла.

— Значит, вы голодная.

Лейла хотела возразить, но Илья уже пошёл вниз.

— Соколов!

Он обернулся.

— Розетка была неправильная.

— Я знаю.

И ушёл.

Она смотрела ему вслед и злилась на себя за улыбку.

К вечеру объект опустел. Лейла сидела на широком подоконнике в будущей библиотеке, положив ноутбук на колени. Перед ней лежали два образца дуба почти одинакового оттенка, и она уже переставала понимать, какой из них светлее.

— Вы ещё здесь?

Илья стоял в дверях без жилетки, с курткой в руке.

— Как видите.

— Обычно после рабочего дня люди уходят домой.

— Вы тоже почему-то не ушли.

— Жду ключи от заднего входа.

Он подошёл к образцам.

— Какой выбрали?

— Пока никакой.

Илья положил дощечки рядом.

— Этот.

— Почему?

— На нём меньше видно пыль.

Лейла медленно подняла на него глаза.

— Иногда я не понимаю, вы шутите или действительно способны выбрать паркет по этому критерию.

— Хороший инженер думает о будущем.

— Хороший архитектор думает о красоте.

— А потом приходит инженер и делает так, чтобы красота не отвалилась от стены.

Лейла закрыла ноутбук.

— Всё. На сегодня хватит.

Она спрыгнула с подоконника и поморщилась: нога затекла.

— Всё нормально? — спросил Илья.

— Просто отсидела.

— На подоконниках неудобно работать.

— А где удобно? Столов у нас пока нет.

— Дома.

— Вы всегда такой правильный?

Он подумал.

— Нет.

— Не верю.

— И правильно.

В пустом особняке её смех прозвучал неожиданно близко.

Лейла взяла сумку.

— До завтра.

— Вы на машине?

— Сегодня нет. Сервис.

Она открыла приложение такси. Машина была в двенадцати минутах.

— Тут рядом кофейня, — сказал Илья. — Можно подождать там, а не на улице.

— Вместе?

Вопрос вырвался слишком быстро.

Илья посмотрел на неё с лёгкой усмешкой.

— Если вас это пугает, сяду за другой стол.

— Меня трудно напугать, Соколов.

— Это я уже понял.

Они вышли вместе.

Кофейня оказалась маленькой, почти пустой. Лейла выбрала столик у стены. Илья принёс два американо и небольшую тарелку миндального печенья.

— Я печенье не просила.

— Я себе взял.

— Тогда почему поставили посередине?

— Ошибка инженера.

Без чертежей и строительной пыли он выглядел моложе.

Или просто менее закрытым.

— Почему реставрация? — спросила Лейла.

— Почему интерьер?

— Я первая спросила.

Илья отпил кофе.

— Отец инженер. Дед был архитектором. В детстве он водил меня по старым домам и рассказывал, почему нельзя уничтожать то, что пережило людей, которые это построили.

— Красиво.

— В десять лет мне так не казалось. Я хотел футбол и велосипед.

— А потом?

— Потом понял, что он был прав. По крайней мере, насчёт домов.

Лейла улыбнулась.

— А вы? — спросил он.

— Мама постоянно переставляла мебель. Я приходила из школы и не знала, где сегодня окажется диван. Мне казалось, дом живёт своей жизнью.

— И вы решили взять всё под контроль?

— Возможно.

— Вы любите контроль?

Лейла вскинула глаза.

— Вы решили разобрать мой характер?

— Нет. Просто слушаю.

Телефон завибрировал на столе.

На экране высветилось: «Тимур».

Лейла перевернула телефон экраном вниз.

Илья не спросил.

Через минуту телефон снова завибрировал.

Потом ещё раз.

Он продолжал пить кофе, будто ничего не происходило.

Лейла не выдержала первой.

— Вы даже не спросите, почему я не отвечаю?

— А должен?

— Обычно спрашивают.

— Если захотите рассказать — расскажете.

В его голосе не было показной деликатности. Он действительно считал, что чужой телефон — не его дело.

Лейла вдруг почувствовала непривычное облегчение.

— Это Тимур, — сказала она.

Илья кивнул.

— Кто он?

— Мы знаем друг друга много лет. Наши семьи знакомы.

Он считает, что между нами должно что-то быть.

— А вы?

— Я так не считаю.

— Тогда всё довольно просто.

Лейла усмехнулась.

— Вы плохо знаете большие семьи.

— Возможно. Но человек либо хочет быть с другим человеком, либо нет.

— Вы всё делите на две части?

— Когда можно не делить на десять — да.

Телефон снова загорелся.

«Почему не отвечаешь?»

Лейла быстро убрала его в сумку.

— А вы почему развелись? — спросила она неожиданно.

Илья посмотрел на неё спокойно.

— Хороший переход.

— Можете не отвечать.

Он помолчал.

— Потому что мы слишком долго делали вид, будто всё можно исправить разговорами, которые никто не хотел начинать.

— И всё?

— Для первого кофе достаточно.

Лейла чуть улыбнулась.

— Значит, вы считаете это первым кофе?

— А каким ещё?

— Случайным.

— Случайный кофе тоже может быть первым.

Телефон сообщил, что машина приехала.

На улице Илья проводил её до перехода.

— Спасибо за кофе, — сказала Лейла.

— Печенье вы так и не съели.

— Оно было ваше.

— В следующий раз возьму два.

Она встретила его взгляд.

— Вы уверены, что будет следующий раз?

— Мы работаем на одном объекте. Шансы высокие.

— Невыносимый человек.

— До завтра, Лейла.

Он впервые назвал её по имени не по работе.

И она почему-то это слышала.

В машине Лейла открыла сообщения от Тимура.

Пять пропущенных звонков.

«Ты где?»

«Я рядом с твоим домом».

«Позвони, когда освободишься».

Она нахмурилась.

Тимур умел быть заботливым. Помнил даты семейных праздников, присылал лекарства, если она заболела, мог ночью найти врача для знакомого. Когда-то это казалось надёжностью.

Позже она начала замечать другую сторону: где была, с кем, почему задержалась, кто отвёз домой, почему не ответила сразу.

Каждый отдельный вопрос был обычным.

Все вместе иногда напоминали анкету.

Лейла написала: «Работала. Еду домой. Не надо меня ждать».

Ответ пришёл сразу.

«Уже уехал. Просто хотел увидеть».

Она не ответила.

На следующий день в половине двенадцатого в холле особняка появился курьер с огромным букетом красных роз. Цветы были такими пышными, что мужчина едва видел дорогу.

— Лейла Асланова?

Несколько рабочих обернулись.

— Я.

Курьер протянул ей букет и белый конверт.

На карточке от руки было написано:

«Чтобы ты не забывала, кто знает тебя дольше всех. Т.»

Розы пахли густо и сладко, почти удушающе.

Лейла подняла глаза.

Илья стоял у лестницы. Он наверняка видел букет и, вероятно, понял, от кого тот пришёл.

Но не подошёл и ничего не спросил.

Почему-то именно это задело сильнее всего.

Через несколько минут она сама нашла его в библиотеке.

— Вы ничего не скажете?

Илья оторвался от чертежа.

— О чём?

— О цветах.

— Красные.

— Это всё?

— А что ещё?

Лейла скрестила руки.

— Вам совсем неинтересно, кто их прислал?

— Тимур.

— Откуда вы знаете?

— Вчера вы назвали имя. Сегодня на карточке буква «Т».

Иногда я умею складывать два и два.

Она рассмеялась, хотя собиралась сердиться.

— И всё равно ничего не спросите?

— Нет.

— Почему?

Теперь он посмотрел прямо на неё.

— Потому что вы не обязаны передо мной отчитываться.

Фраза была простой.

Настолько простой, что Лейла несколько секунд не нашлась с ответом.

Тимур за долгие годы приучил её объяснять даже то, чего она не должна была объяснять. Где была. С кем. Почему не ответила.

А мужчина, которого она знала четыре дня, просто сказал: «Не обязаны».

— Илья...

— Что?

— Ничего.

Она вышла из комнаты.

На лестнице Лейла вдруг поняла, что впервые сравнила двух мужчин.

Ей не понравилось, что она это сделала.

Ещё меньше понравилось то, каким получилось сравнение.

После обеда Тимур позвонил.

— Получила? — спросил он.

— Получила.

— Нравятся?

— Тимур, не надо присылать такие букеты на работу.

— Почему?

— Потому что мне неловко.

— Из-за цветов?

— Не из-за цветов.

На том конце повисла пауза.

— Ты какая-то нервная последние дни.

— Я не нервная.

— Тогда что случилось?

— Ничего. Я работаю.

— Всё ещё в особняке?

Лейла на секунду замерла.

— Откуда ты знаешь?

Тимур засмеялся.

— Ты сама рассказывала про проект. Забыла?

Она действительно рассказывала. Несколько недель назад, вскользь.

— Хорошо. Я позже перезвоню.

— Во сколько?

— Тимур.

— Что?

— Я сказала: позже.

Лейла завершила звонок и несколько секунд смотрела на экран.

Ничего страшного не произошло.

Он просто прислал цветы.

Просто позвонил.

Просто помнил, где она работает.

Вечером Лейла и Илья снова проверяли освещение в гостиной. Рабочие выключили верхний свет, и комната наполнилась мягкими полосами от временных ламп.

Лейла опустила образец внутренней ткани на окно.

— Вот теперь смотрите. Днём она почти исчезает, вечером закрывает комнату, но не убивает глубину окна.

Илья встал рядом.

Их плечи почти соприкасались.

— Хорошо, — сказал он.

— Что хорошо?

— Всё ещё ваш вариант.

Она повернулась и неожиданно почувствовала, насколько мало между ними пространства.

Илья тоже это понял.

Но не сделал ни шага ближе.

Наоборот, отступил первым.

— Я согласую с советом, — сказал он обычным деловым голосом.

Лейла кивнула.

— Хорошо.

Он дошёл до двери.

— Илья.

Он обернулся.

Она хотела спросить, почему он так легко отступает. Или почему ей самой вдруг не захотелось, чтобы он отступал.

Но сказала:

— Завтра в восемь сорок будет поставщик камня.

— Я здесь с восьми.

— Я знаю.

Илья чуть улыбнулся и вышел.

Только когда дверь закрылась, Лейла поняла, что сказала.

«Я знаю».

На телефоне появилось новое сообщение от Тимура.

«Спокойной ночи. Не работай допоздна».

Лейла прочитала его, но не ответила.

По дороге домой она думала не о красных розах.

И это было первым, совсем маленьким изменением, которое она пока не хотела замечать.

Глава 3. Человек, которого мне не выбирали

К вечеру пятницы Москва стала прозрачнее от дождя. Асфальт блестел под фонарями, машины тянули за собой красные полосы света, а Лейла, сидя на заднем сиденье такси, смотрела в окно и думала о том, что ей совсем не хочется ехать домой.

Не потому, что дома её ждали неприятности. Напротив. Родительская квартира всегда оставалась тем местом, где пахло свежей выпечкой, чаем с чабрецом и чем-то ещё неуловимым, детским, чего невозможно было найти ни в одном другом доме. Там были её фотографии в школьной форме, старый рояль, на котором мать давно перестала играть, и тяжёлый шкаф отца, где документы лежали в таком порядке, словно их готовились проверять каждый день.

Просто сегодня Лейла знала: за ужином снова заговорят о Тимуре.

Причиной были цветы.

Огромная корзина белых роз появилась на объекте два дня назад. Курьер едва протиснулся с ней через временную дверь особняка, а прораб, увидев ленты и золотую карточку, присвистнул. Лейле захотелось провалиться сквозь старый паркет.

На карточке было написано всего два слова: «Не сердись». И подпись не требовалась.

Илья тогда ничего не спросил. Только посмотрел на цветы, потом на неё и спокойно продолжил обсуждать крепления для потолочного карниза. Именно его молчание оказалось почему-то самым неловким.

Лейла велела секретарю забрать корзину домой. Мать, конечно, спросила, от кого. Ответила она слишком поздно и слишком коротко, чтобы вопрос не превратился в семейную новость.

Такси остановилось у дома. Лейла расплатилась, подняла воротник пальто и быстро прошла к подъезду.

Дверь ей открыла мать.

— Наконец-то. Я уже думала звонить.

— Мам, мне двадцать семь.

— Именно поэтому я не звоню каждые пятнадцать минут.

Проходи.

Лейла улыбнулась. С матерью было легко. Саида умела беспокоиться так, чтобы это не превращалось в контроль. Она могла трижды спросить, поела ли дочь, но никогда не спрашивала, с кем та провела вечер, если Лейла сама не хотела рассказывать.

В гостиной уже сидели отец, старшая тётя Мадина и двоюродный брат Рустам с женой. На столе стояли запечённое мясо, зелень, сыр, овощи и большая тарелка хычинов. Семейный ужин, который мать называла «просто посидеть», всегда

выглядел так, словно ожидали человек двадцать.

— Работница пришла, — сказал отец, поднимаясь ей навстречу.

Заур Асланов был высоким, широкоплечим мужчиной с почти седыми висками и тем редким спокойствием, которое иногда принимали за суровость. Он поцеловал дочь в лоб и сразу посмотрел внимательнее.

— Устала?

— Немного.

— Тогда сначала ешь. Потом будешь спорить.

Лейла остановилась.

— А я уже должна с кем-то спорить?

Отец усмехнулся.

— Пока нет. Но с твоим характером это вопрос времени.

За столом сначала говорили о работе Рустама, о ремонте у Мадины, о племяннице, которая поступала в университет. Лейла почти расслабилась. Ей даже показалось, что цветы забыты.

Потом тётя Мадина отложила вилку.

— Розы красивые.

Лейла медленно подняла взгляд.

— Очень.

— Тимур умеет ухаживать.

— Наверное.

— Что значит «наверное»? Девушке присылают такую корзину, а она говорит «наверное».

Мать чуть заметно вздохнула.

— Мадина...

— А что Мадина? Я ничего плохого не говорю. Парень хороший, семья хорошая, работает, не пьёт, не болтается неизвестно где. Сколько сейчас таких?

— Думаю, статистику я не собирала, — сказала Лейла.

Рустам кашлянул, пряча улыбку.

Тётя посмотрела на него строго и снова повернулась к Лейле.

— Он сколько лет вокруг тебя ходит?

— Он не ходит вокруг меня.

— Хорошо. Ждёт.

— Его никто не просил ждать.

После этих слов за столом стало тихо.

Лейла пожалела о резкости не потому, что считала себя неправой. Просто она не хотела превращать обычный ужин в разбирательство. Но ещё меньше она хотела снова слушать разговор, в котором её будущее обсуждали так, будто речь шла о квартире, давно обещанной хорошему знакомому.

Отец положил вилку.

— Лейла права.

Тётя удивлённо посмотрела на брата.

— Заур, я же не заставляю её завтра замуж идти.

— И никто не будет заставлять.

Он говорил спокойно, без раздражения. Именно поэтому спорить с ним было трудно.

— Мы с отцом Тимура когда-то действительно говорили, что было бы хорошо, если бы дети сошлись. Говорили. Не договаривались за них. Это разные вещи.

Лейла впервые за весь вечер почувствовала, как напряжение в плечах ослабло.

Мадина покачала головой.

— Вы теперь все слишком современные. Потом сами жалуетесь, что семьи распадаются.

— Семьи распадаются не потому, что девушку не выдали за первого удобного мужчину, — сказала Саида.

— Я не говорю «выдали». Тимур любит её.

Лейла посмотрела на тётю.

— Откуда ты знаешь?

— По нему видно.

— А по мне что видно?

Вопрос прозвучал тише, чем предыдущие реплики, но после него никто сразу не ответил.

Лейле вдруг стало интересно, замечают ли они вообще её сторону этой истории. Она знала Тимура с детства. В подростковом возрасте они вместе бывали на праздниках, спорили, смеялись, несколько раз ездили одной компанией за город. Он был красивым, ярким, уверенным. Рядом с ним всегда кто-то смеялся, кто-то слушал, кто-то пытался понравиться ему.

В восемнадцать Лейле даже казалось, что она могла бы в него влюбиться.

Но не влюбилась.

И чем старше они становились, тем чаще Тимур разговаривал с ней так, будто между ними уже существовало что-то, чего она не помнила. Он мог сказать: «Когда поженимся, ты перестанешь столько работать», — и засмеяться, словно это была шутка. Мог ревниво спросить, кто подвёз её домой, а потом объяснить, что просто заботится. Мог исчезнуть на месяц, а затем появиться с подарком и удивиться её холодности.

Каждый отдельный поступок казался пустяком. Вместе они складывались в странное ощущение, будто Тимур постепенно занимал место в её жизни без приглашения.

— Видно, что тебе никто не нравится, — наконец сказала Мадина.

Почему-то Лейла вспомнила Илью.

Не его лицо даже, а руки, испачканные известковой пылью, когда он показывал ей старую кирпичную кладку под штукатуркой. И то, как он слушал её за кофе — не ждал очереди сказать своё, а действительно слушал.

Она отпила воды.

— Может быть, просто не всё нужно обсуждать за столом.

Отец посмотрел на неё чуть внимательнее, но ничего не спросил.

Это она тоже оценила.

После ужина Лейла помогла матери убрать посуду. Саида включила воду и некоторое время молчала.

— Ты не обижайся на Мадину.

— Я не обижаюсь.

— Она живёт так, как привыкла.

— А я должна жить так, как привыкла она?

Мать закрыла кран.

— Нет.

Ответ был настолько простой, что Лейла повернулась к ней.

Саида вытерла руки полотенцем.

— Но тебе однажды придётся самой сказать Тимуру то, что ты всё время объясняешь нам.

— Я говорила.

— Не так, чтобы он услышал.

Лейла хотела возразить, но промолчала.

В этом мать была права.

Ей всегда казалось жестоким окончательно обрубить человеку надежду. Поэтому она отвечала уклончиво, не принимала приглашения, возвращала слишком дорогие подарки, могла неделями не отвечать на сообщения. Ей казалось, что взрослому мужчине этого достаточно.

Возможно, Тимуру было недостаточно именно потому, что она никогда не сказала прямо.

Около десяти Лейла собралась ехать к себе. Родители жили в Хамовниках, а её квартира находилась ближе к центру, в старом доме, который она несколько лет назад купила в ипотеку и отремонтировала сама. Отец предложил вызвать

водителя, но она отказалась.

— Я возьму такси.

— Напиши, когда доедешь.

— Конечно.

Она спустилась во двор и сразу увидела чёрный автомобиль у тротуара.

Сначала не придавала значения. Потом открылась водительская дверь.

Тимур вышел из машины.

Лейла остановилась.

Он был без пальто, только в тёмном костюме и белой рубашке с расстёгнутой верхней пуговицей. Как всегда — аккуратный, собранный, слишком уверенный в том, что его появление будет принято как нечто естественное.

— Привет.

— Что ты здесь делаешь?

— Очень романтическое начало разговора.

— Я серьёзно.

Тимур подошёл ближе, но остановился на расстоянии шага.

— Был рядом. Решил увидеть тебя.

— Ты никогда не бываешь рядом случайно.

Он улыбнулся.

— Значит, ты хорошо меня знаешь.

— Тимур...

— Что?

— Цветы красивые. Спасибо. Но больше не надо.

Его улыбка почти не изменилась.

— Не понравились?

— Дело не в цветах.

— А в чём?

Во дворе было тихо. За окнами первого этажа горел тёплый свет. Где-то наверху хлопнула балконная дверь.

Лейла посмотрела ему прямо в глаза.

— Я не хочу, чтобы ты за мной ухаживал.

Тимур несколько секунд молчал, будто проверял, серьёзно ли она говорит.

— Из-за чего такая торжественность?

— Никакой торжественности.

— Мы сто раз это обсуждали.

— Нет. Ты сто раз говорил. Я сто раз уходила от разговора.

Его лицо стало внимательнее.

— Хорошо. Давай поговорим сейчас.

— Давай.

Тимур сунул руки в карманы брюк.

— Я тебе не нравлюсь?

Лейла вздохнула.

— Ты хочешь честно?

— Конечно.

— Как человек — иногда нравишься. Иногда раздражаешь. Но я не люблю тебя. И замуж за тебя не собираюсь.

На мгновение в его глазах появилось что-то совсем дру-

гое. Не злость. Скорее неверие.

Потом он тихо рассмеялся.

— Лейла.

— Что?

— Ты сейчас говоришь так, будто я завтра приехал свататься.

— А разве ты не ведёшь себя так, будто вопрос уже решён?

— Потому что я тебя знаю.

— Вот именно это меня и пугает.

Он перестал улыбаться.

— Что именно?

— Ты всё время говоришь, что знаешь, чего я хочу. Лучше меня.

— Я знаю твой характер.

— Нет. Ты придумал мой характер.

Слова повисли между ними.

Тимур отвёл взгляд, посмотрел на подъезд, потом снова на неё.

— Хорошо. Допустим. Тебе сейчас хочется свободы, работы, поездок, самостоятельности. Я не против.

Лейла даже не сразу поняла, что именно её задело.

— Ты не против?

— Не цепляйся к словам.

— Нет, я как раз зацеплюсь. Потому что мне не требуется твоё разрешение на работу, свободу и поездки.

— Господи, опять ты всё превращаешь в лекцию.

— А ты всё превращаешь в решение, которое уже принял.
Он сделал шаг к ней.

— Потому что мы оба знаем, чем всё закончится.
Лейла не отступила.

— Чем?

Тимур посмотрел на неё так, словно ответ был очевиден.

— Ты станешь моей женой.

Раньше она бы отшутилась. Сказала бы: «Не дождёшься».
Или закатила глаза и перевела разговор. Так было проще.
Так она не чувствовала себя жестокой.

Но сегодня почему-то вспомнились слова матери: тебе придётся самой сказать ему то, что ты всё время объясняешь нам.

Лейла произнесла спокойно:

— Нет.

Тимур нахмурился.

— Что «нет»?

— Этого не будет.

Теперь он смотрел на неё без улыбки.

— Никогда не говори «никогда».

— Я не говорила «никогда». Я сказала: я не стану твоей женой.

В его лице что-то едва заметно изменилось. Не настолько, чтобы она испугалась, но достаточно, чтобы впервые почувствовать: её слова не просто задели его самолюбие. Они на-

рушили какой-то внутренний порядок, в существовании которого она до этого не подозревала.

— У тебя кто-то появился? — спросил он.

Вопрос прозвучал мгновенно.

Лейла вспомнила кафе, чашку остывшего кофе и Илью, который не спросил ничего, на что она не хотела отвечать.

— Это не имеет значения.

— Значит, появился.

— Тимур.

— Кто он?

Она почувствовала раздражение.

— Ты слышишь только то, что тебе удобно?

— Я просто спросил.

— А я не обязана отвечать.

Он ещё несколько секунд смотрел на неё, затем неожиданно снова улыбнулся.

— Хорошо. Не хочешь — не отвечай.

Лейла насторожилась от этой быстрой перемены.

— И всё?

— А что ты ждала? Скандала?

— Ничего я не ждала.

— Вот и прекрасно.

Он открыл ей заднюю дверь автомобиля.

— Я отвезу тебя.

— Не надо. Такси уже едет.

— Отмени.

Она подняла на него глаза.

— Нет.

На этот раз он не спорил.

Закрыв дверь машины и отступил.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной.

Лейла пошла к воротам двора, где должен был остановиться автомобиль. Она почти дошла до арки, когда Тимур окликнул её.

— Лейла.

Она обернулась.

Он стоял возле машины, засунув руки в карманы.

— Ты правда думаешь, что всё решается одним словом «нет»?

Лейла почувствовала холод, хотя вечер был тёплым.

— Да, Тимур. В таких вещах именно так всё и решается.

Она вышла на улицу.

Такси подъехало через минуту. Лейла села на заднее сиденье и назвала адрес, хотя он уже был указан в приложении. Машина тронулась.

Она посмотрела назад.

Чёрный автомобиль Тимура по-прежнему стоял у подъезда.

Тимур не сел за руль.

Он смотрел вслед её машине.

Лейла отвернулась первой.

Телефон завибрировал в сумке.

На секунду она решила, что это он.

Но сообщение было от Ильи.

«Нашёл под штукатуркой ещё одну старую арку. Завтра покажу. Только не говори сразу, что хочешь её снести».

Лейла невольно улыбнулась.

Она набрала:

«Ничего не обещаю».

Ответ пришёл почти сразу:

«Вот теперь узнаю архитектора».

За окном скользили мокрые улицы. Напряжение понемногу отпускало.

Лейла ещё не знала, что для одного мужчины её «нет» было окончанием разговора.

А для другого — только повод решить, что разговор наконец начался.

Глава 4. Ночная Москва

В понедельник особняк встретил Лейлу запахом сырой штукатурки, древесной пыли и чем-то ещё — холодным, металлическим, как бывает в старых домах после дождя. За высокими окнами серел ранний вечер. Рабочие уже собирали инструменты, а в дальнем коридоре кто-то в последний раз провёл дрелью по стене и сразу замолчал.

Лейла задержалась у входа в главный зал и подняла голову. Неделю назад здесь стояли леса, закрывая половину лепного потолка. Теперь их сняли, и восстановленный орнамент проступал в мягком свете временных ламп. Тонкие линии листьев и цветов снова стали видны так ясно, будто дом просто долго спал, а теперь начал вспоминать собственное лицо.

— Не трогайте левую розетку, — сказал за спиной Илья. — Она пока только для красоты.

Лейла обернулась.

Он стоял у дверного проёма с рулоном чертежей под мышкой, в тёмном свитере и рабочей куртке. За последние дни она привыкла к его спокойной манере появляться рядом без лишнего шума, будто он всегда заранее знал, куда идёт и зачем.

— А правая?

— Правая уже может сделать вас счастливой.

— Электричество теперь считается счастьем?

— После трёх недель с удлинителями — безусловно.

Она улыбнулась и только потом заметила, что улыбается именно ему.

После семейного ужина Лейла почти не думала о Тимуре. Вернее, заставляла себя не думать. Она сказала ему всё достаточно ясно. Ни двусмысленности, ни обещаний, ни той надежды, которую он мог бы принять за приглашение продолжать. Разговор у подъезда остался неприятным осадком, но не больше. Ей хотелось верить, что взрослому человеку иногда требуется время, чтобы услышать неприятный ответ.

Илье она о той встрече не рассказала.

Не потому, что скрывала. Просто не понимала, зачем посвящать почти чужого мужчину в историю, которую сама считала законченной.

— Проверим гостиную? — спросила она, раскрывая планшет.

— Проверим. Только если вы снова захотите закрыть панелью исторический карниз, я уйду домой.

— Шантаж?

— Самозащита.

Они прошли в соседнюю комнату.

Работа затянулась незаметно. Сначала пришлось спорить о расположении светильников, потом подрядчик привёз неверные образцы дерева, затем обнаружилось, что одна из ниш на старом плане была на семь сантиметров глубже, чем в реальности. Семь сантиметров для обычного человека

ничего не значили. Для Лейлы они ломали всю линию встроенного шкафа.

Илья слушал её объяснения, прислонившись плечом к стене.

— Я правильно понимаю, что из-за семи сантиметров завтра пострадают три человека?

— Четыре.

— Кто четвёртый?

— Я.

— Вы страдаете заранее?

— Я архитектор интерьеров. Это профессиональное.

Он рассмеялся.

Этот смех Лейла услышала впервые. Не короткую усмешку, не привычное ироничное «понятно», а настоящий смех — тёплый, неожиданно молодой. И на секунду ей стало странно оттого, что она уже успела придумать его более суровым, чем он был.

К восьми вечера почти все ушли. В особняке стало необычно тихо. За окнами стемнело, и отражения временных ламп плавали в чёрном стекле. Лейла закрыла ноутбук и потянулась.

— Всё. Больше я сегодня никаких семи сантиметров не переживу.

— Разумное решение.

Илья собрал чертежи, но не успел убрать их в тубус.

Свет погас.

Сразу весь.

Не мигнул, не дрогнул — просто исчез.

В темноте кто-то металлически звякнул в коридоре, потом включилась аварийная лампа над лестницей. Её слабого зелёного света хватало лишь на то, чтобы стены перестали быть совсем невидимыми.

— Только не говорите, что правая розетка передумала делать меня счастливой, — сказала Лейла.

— Это не она. Похоже, выбило ввод.

Илья включил фонарь на телефоне.

— Стойте здесь.

— Это ещё почему?

— Потому что на втором этаже открыты технические люки, а я не хочу объяснять заказчику, почему его дизайнер исчез внутри стены.

— Я архитектор интерьеров.

— Тем более. Вас искать будут дольше.

Он ушёл в коридор.

Лейла осталась у окна. В темноте старый дом изменился. Исчезли строительные леса, провода, ведра с краской — всё то, что делало его объектом. Остались высокие потолки, глубокие проёмы и тёмные силуэты дверей. На мгновение можно было представить, что за стеной не шумит современная Москва, а где-то внизу ждёт экипаж и в соседнем зале сейчас зажгут свечи.

Телефон завибрировал в ладони.

На экране высветилось имя Тимура.

Лейла смотрела на него несколько секунд, потом сбросила вызов.

Почти сразу пришло сообщение.

«Ты где?»

Она нахмурилась.

Пальцы уже легли на клавиатуру, но отвечать она не стала. Сам вопрос раздражал больше, чем звонок. Не «как ты», не «можно поговорить», а именно «ты где?» — будто он всё ещё имел право это знать.

Лейла выключила экран.

Через несколько минут вернулся Илья.

— Хорошая новость: дом не горит.

— А плохая?

— Электрик уже уехал. Автомат держится, но где-то коротит линия. Я всё отключил до утра.

— Значит, работать закончили.

— Иногда судьба гуманнее начальства.

Они вместе вышли из особняка. Илья закрыл временную дверь, проверил замок дважды и только потом убрал ключи.

На улице воздух оказался свежим и влажным. Дождь уже закончился, но камни тротуара блестели под фонарями. Москва шумела совсем рядом — машины, редкие сигналы, голоса из открывшегося ресторана напротив, — и всё же после тишины старого дома город казался удивительно живым.

— Такси? — спросил Илья.

Лейла посмотрела на телефон. До дома было не слишком далеко, но сидеть сейчас в машине почему-то не хотелось.

— Я немного пройдуся.

— Тогда до метро вместе.

— Вам в другую сторону.

— Я знаю.

— И?

— Москва круглая. Рано или поздно приду.

Она рассмеялась.

Они пошли по мокрой улице, сначала сохраняя привычную рабочую дистанцию. Лейла держала сумку на плече, Илья нёс тубус с чертежами. Несколько минут говорили о доме: о найденной под слоями краски росписи, о дверях, которые стоило сохранить, о хозяине, внезапно решившем, что в исторической библиотеке ему непременно нужен телевизор размером со стену.

Потом разговор оборвался сам.

Не неловко. Просто работа закончилась раньше, чем им захотелось расставаться.

— Вы всегда хотели этим заниматься? — спросил Илья.

— Интерьерами? Почти. В детстве я передвигала мебель в своей комнате примерно раз в неделю.

— Родители были счастливы.

— Отец однажды прикрутил шкаф к стене.

— Предусмотрительный человек.

— Я переставила кровать.

Илья улыбнулся.

— Значит, у него не было шансов.

— У моего отца редко не бывает шансов.

Она произнесла это с теплом. Илья заметил.

— Вы близки?

— Да. Хотя иногда мне кажется, что мы говорим на разных языках.

— Все дети в какой-то момент так думают.

— А вы?

— У меня родители в Твери. Отец инженер, мама преподавала литературу. Я оказался компромиссом между ними: чиню стены и читаю инструкции до конца.

— Очень романтично.

— Я стараюсь не афишировать.

Они перешли улицу. У маленькой кофейни уже переворачивали табличку на двери, но девушка за стойкой ещё согласилась налить им кофе навынос.

Илья взял чёрный без сахара. Лейла — капучино.

— Второй раз кофе, — заметила она, когда они снова вышли на улицу.

— Ведёте статистику?

— Профессиональная привычка.

— Опасно. На третий придётся подписывать акт.

Лейла посмотрела на него поверх стаканчика.

— Вы со всеми женщинами разговариваете как с подрядчиками?

— Нет. С подрядчиками я жёстче.

Она хотела ответить, но в этот момент снова завибрировал телефон.

Тимур.

Лейла остановилась.

Илья не заглядывал в экран. Он просто сделал ещё два шага и, заметив, что она отстала, повернулся.

— Всё нормально?

— Да.

Телефон продолжал звонить.

Она снова сбросила вызов.

Илья ничего не спросил.

И именно поэтому через несколько минут Лейла заговорила сама.

— Есть один человек.

— Звучит как начало плохой новости.

— Скорее старой.

Она некоторое время подбирала слова.

— Мы знакомы с детства. Наши семьи дружат. Когда-то родители обсуждали, что мы могли бы... быть вместе.

— Вы были?

— Нет.

— Тогда что обсуждать?

Лейла взглянула на него.

Ответ оказался настолько простым, что она почти не поверила.

— Для него это не так просто.

— Он вас любит?

Она задумалась.

— Он говорит, что да.

— А вы?

— Что я?

— Любите его?

Лейла посмотрела прямо перед собой. В лужах дрожали жёлтые фонари.

— Нет.

Илья пожал плечами.

— Тогда остальное неважно.

— Вот так просто?

— В этой части — да.

— Вы ничего не понимаете.

Она сказала это без раздражения, скорее с удивлением.

— Возможно.

— Есть семья. Есть люди, которые много лет считают, что всё уже решено. Есть привычки, ожидания. Никто меня не заставляет, но иногда достаточно того, что все вокруг смотрят так, будто ты нарушаешь договор, которого никогда не подписывала.

Илья помолчал.

— Это уже не про любовь.

— А про что?

— Про чужие ожидания.

— Они тоже могут быть сильными.

— Могут. Но жить вместо вас не смогут.

Лейла внимательнее всмотрелась в его лицо.

В его голосе не было ни желания понравиться, ни демонстративной современности, ни попытки осудить её семью. Он просто говорил то, во что верил.

— Вы всегда так легко отделяете людей от того, что они от вас хотят?

Илья сделал глоток кофе.

— Нет. Я этому дорогому научился.

Теперь настала её очередь не задавать вопрос.

Они прошли ещё несколько метров.

— Я был женат, — сказал он сам.

Лейла повернула голову.

— Давно?

— Развёлся три года назад.

— Извините.

— За что? Вы же нас не разводили.

— Это вежливая фраза.

— Тогда принимается.

Он улыбнулся, но улыбка быстро исчезла.

— Мы прожили вместе почти четыре года. Я много работал. Очень много. Мне казалось, что если я стараюсь для нас, это и есть доказательство любви. А ей казалось, что меня просто никогда нет рядом.

— Кто был прав?

— Оба. Наверное, поэтому и не получилось.

— Вы её любили?

Илья ответил не сразу.

— Да.

Лейла неожиданно почувствовала лёгкий укол, которого не ожидала и которому не имела права давать название.

— А сейчас?

Он посмотрел на неё.

— Сейчас я хочу, чтобы у неё всё было хорошо. Это уже другое.

— Красивый ответ.

— Он не сразу стал красивым.

Они дошли до набережной. Здесь было просторнее, ветер тянул от воды, а огни противоположного берега растягивались длинными дорожками. Лейла остановилась у парапета.

— Иногда мне кажется, — сказала она, — что людям проще пережить несчастливую любовь, чем признать, что их не выбрали.

— Возможно.

— Тимур не плохой человек.

Илья ничего не ответил.

— Правда. Он умный. Успешный. Помогал нашей семье. Когда у дяди были проблемы, он первым приехал. Когда умерла бабушка, занимался всем вместе с родственниками. Я не могу просто взять и сделать вид, что он чужой.

— А он может сделать вид, что вы ему что-то должны?

Лейла замолчала.

Вопрос не был резким. От этого он попал точнее.

— Я сказала ему, что ничего между нами не будет.

— И?

— Он не поверил.

Илья посмотрел на воду.

— Тогда это уже его проблема.

— Вы опять всё упрощаете.

— Нет. Я разделяю ответственность.

— Какая разница?

— Большая. Вы отвечаете за то, что сказали ясно. Он — за то, что решил не слышать.

Лейла долго молчала.

Ей захотелось запомнить эту фразу.

Не потому, что она решала всё. Но потому, что впервые за последние годы кто-то поставил границу там, где Лейла сама постоянно её сдвигала, стараясь никого не обидеть.

— А если человек не принимает отказ? — спросила она.

Илья повернулся к ней.

— Тогда отказ от этого не перестаёт быть отказом.

На несколько секунд между ними стало очень тихо.

Лейла первой отвела взгляд.

— Метро уже закрывается?

— Нет. Но если мы будем идти с такой скоростью, может успеть.

Она усмехнулась.

— Вы сами предложили проводить.

— И уже начинаю понимать масштаб обязательств.

Они снова пошли.

Разговор стал легче. Илья рассказал, как однажды провалился ногой сквозь потолок в усадьбе под Ярославлем и оказался по пояс в спальне заказчика. Лейла смеялась так громко, что женщина с маленькой собакой обернулась на них. Потом Лейла вспомнила, как на первом курсе перепутала размеры и нарисовала кухню, в которой человек физически не мог открыть холодильник.

— То есть семь сантиметров — это прогресс, — заключил Илья.

— Огромный.

У входа в метро они остановились.

Это была та точка, после которой можно было просто сказать «до завтра» и разойтись. Но оба почему-то медлили.

— Спасибо за прогулку, — сказала Лейла.

— Это была эвакуация с объекта.

— Очень медленная.

— Техника безопасности.

Она снова улыбнулась.

Илья смотрел на неё чуть дольше обычного.

Лейла почувствовала это раньше, чем поняла. В его взгляде изменилось что-то едва заметное — исчезла привычная рабочая нейтральность. Не появилось наглости, обещания или требования. Только внимание.

От этого стало неловко и хорошо одновременно.

Телефон в её руке снова вспыхнул.

Сообщение от Тимура.

«Я спросил, где ты».

Лейла прочитала и медленно убрала телефон в сумку.

Илья этого сообщения не видел.

— Всё-таки плохая новость? — спросил он.

Она задержала на нём взгляд.

— Нет. Просто человек, который пока не понял одну вещь.

— Какую?

Лейла немного помолчала.

— Что я не обязана отвечать.

Илья кивнул, словно этого было достаточно.

— До завтра, Лейла.

— До завтра.

Она спустилась по лестнице метро и только на эскалаторе поняла, что он впервые назвал её по имени без рабочего обращения и без той лёгкой насмешки, которая всегда стояла между ними.

И почему-то именно это осталось с ней сильнее всего.

Не сообщение Тимура.

Не семейный разговор.

Не тёмный особняк.

А спокойное: «До завтра, Лейла».

Словно завтра действительно было чем-то, чего стоило

ждать.

Глава 5. Первый поцелуй

После той прогулки Лейла проснулась с ощущением, будто между вчерашним вечером и сегодняшним утром кто-то незаметно переставил мебель внутри неё. Всё осталось на своих местах — работа, родители, звонки, бесконечные планы особняка, — но привычные расстояния изменились.

Она долго лежала, глядя в потолок, и вспоминала не слова Ильи о бывшей жене и даже не его спокойное «тогда остальное неважно». Почему-то сильнее всего запомнилось то, как он слушал. Не перебивал, не советовал, не спрашивал лишнего. Просто шёл рядом, оставляя ей пространство, которого в последнее время вокруг неё становилось всё меньше.

Лейла поймала себя на улыбке и тут же сердито отбросила одеяло.

— Прекрасно, — сказала она пустой комнате. — Теперь ещё и это.

«Это» не имело названия. Пока.

В особняк она приехала раньше обычного. Солнце наконец пробилось сквозь облака, и утренний свет лежал на старом паркете длинными золотыми полосами. Рабочие шумели в дальней части здания. Кто-то таскал доски, кто-то ругался из-за поставки, подрядчик уже искал её по телефону.

Илья стоял возле лестницы и разговаривал с электриком.

Лейла увидела его сразу.

Наверное, потому что искала.

Он тоже заметил её, коротко кивнул и вернулся к разговору.

Ничего необычного.

Но вчера он проводил её почти до дома. Вчера они говорили о том, о чём не говорят с человеком, который остаётся просто коллегой. Вчера между ними было что-то новое — невысказанное, но уже существующее.

Сегодня Илья разговаривал с ней так, будто этой прогулки не было.

— Доброе утро, — сказала Лейла, подойдя ближе.

— Доброе. Через десять минут зайдите в гостиную. Нужно решить, что делаем с кабелем.

— Хорошо.

Он снова повернулся к электрику.

Лейла постояла секунду дольше, чем требовалось, потом пошла в свой временный кабинет.

«Что ты ожидала? — спросила она себя. — Цветов? Признания? Что мужчина после одного кофе начнёт смотреть на тебя как в кино?»

Она открыла ноутбук с чрезмерной решительностью.

Работа помогла ненадолго.

К полудню пришлось переделывать схему света, затем согласовывать ткань для портьер, потом спорить с поставщиком о цвете деревянных панелей. Лейла была занята настолько, что на несколько часов почти перестала замечать Илью.

Почти.

Он появлялся рядом ровно тогда, когда был нужен. Приносил замеры. Объяснял, почему нельзя снимать старую дверную коробку. Отвечал на вопросы. Иногда шутил. Но ни разу не вернулся к вчерашнему разговору.

И ни разу не предложил снова выпить кофе.

На третий день Лейла решила, что всё поняла.

Он ей нравился больше, чем она ему.

Эта мысль оказалась неприятнее, чем следовало.

В четверг утром Илья задержался на другом объекте. Лейла узнала об этом не от него, а от прораба.

— Соколов к двум будет, — сказал тот, листая какие-то бумаги. — У него там комиссия.

— Я не спрашивала.

Прораб поднял глаза.

— Я и не говорил, что спрашивали.

Лейла почувствовала, как начинает злиться уже на совершенно невинного человека.

К двум Илья действительно приехал. Без куртки, с закатанными рукавами рубашки и папкой под мышкой. Поздоровался, прошёл мимо и почти сразу поднялся на второй этаж.

Она ждала, что он зайдёт.

Он не зашёл.

Через полчаса Лейла сама нашла его в бывшей библиотеке.

— Вы видели новый образец дуба?

— На столе лежал.

— И?

— Хороший.

— Очень содержательно.

Илья оторвался от чертежа.

— Вам не нравится?

— Мне интересно ваше мнение.

— Моё мнение: он ближе к оригиналу, чем предыдущий.

— Всё?

Его взгляд стал внимательнее.

— А что ещё?

Лейла тут же пожалела, что пришла.

— Ничего.

Она повернулась, собираясь уйти.

— Лейла.

Она остановилась.

— Да?

— Вы злитесь?

— Нет.

— Тогда у вас очень убедительная имитация.

— Я работаю.

— Я тоже.

— Вот и прекрасно.

Она вышла, прежде чем разговор стал ещё глупее.

Весь оставшийся день Лейла злилась уже на себя. Она не имела права требовать от Ильи ничего. Они не встречались.

Он не обещал позвонить. Не говорил, что прогулка что-то значила. Не спрашивал, можно ли ему нравится ей сильнее, чем следовало.

И всё же внутри росло раздражение.

Не на его холодность — на неопределённость.

Вечером пришло сообщение от Тимура.

«Поужинаем завтра?»

Лейла смотрела на экран несколько секунд.

После разговора у дома он почти не писал. И это было хорошо. Она хотела ответить коротко и спокойно, чтобы не оставлять пространства для нового толкования.

«Нет. Я уже сказала тебе всё, Тимур. Пожалуйста, не возвращайся к этому»

Ответ пришёл почти сразу.

«Я просто предложил поужинать. Не придумывай войну там, где её нет»

Лейла сжала губы.

«Тогда тем более нет»

Она убрала телефон.

Войны действительно не было. Но почему-то ей всё чаще приходилось доказывать, что граница существует, прежде чем кто-то соглашался её увидеть.

На следующий день Илья снова был безупречно вежлив.

И это раздражало сильнее всего.

В конце дня они остались в гостиной вдвоём. Лейла проверяла раскладку плитки на планшете, Илья измерял сте-

ну возле будущей консоли. За окнами уже темнело. Рабочие ушли, и старый особняк снова стал слишком тихим.

— Сорок два, — сказал Илья.

— Что?

— Сантиметра от края. Вы просили проверить.

— Да. Спасибо.

Он записал число в блокнот.

— Завтра утром приедут столяры. Лучше быть к девяти.

— Буду.

— Тогда я закрою зал.

Он пошёл к двери.

Лейла подняла голову.

— Илья.

— Да?

Она сама не знала, что собирается сказать.

— Ничего.

Он подождал.

— Хорошо.

И снова сделал шаг.

— Нет, подождите.

Теперь он повернулся полностью.

— Я жду.

В его спокойствии было что-то невыносимое.

— Вы всегда такой?

— Какой?

— Как будто ничего не происходит.

Илья слегка нахмурился.

— А что происходит?

— Вот именно.

— Лейла, я перестал понимать разговор примерно три реплики назад.

— Конечно.

— Это обвинение?

— Нет. Наблюдение.

Он поставил рулетку на подоконник.

— Хорошо. Давайте без наблюдений. Скажите прямо.

Она закрыла планшет.

— После той прогулки вы ведёте себя так, словно её вообще не было.

Несколько секунд он молчал.

— Была.

— Спасибо, что подтвердили.

— Вы сердитесь из-за того, что я не напомнил вам о ней?

— Я не сержусь.

Илья посмотрел на неё так, что Лейла сама слышала нелепость своих слов.

— Хорошо. Сержусь.

— Почему?

— Потому что...

Она остановилась.

Сказать правду оказалось сложнее, чем отчитать подрядчика или отказать Тимуру.

— Потому что мне показалось, что тот вечер что-то значил.

Илья не отвёл взгляда.

— Значил.

— По вам незаметно.

— А как должно быть заметно?

— Не знаю. Хотя бы не так, будто я для вас просто человек с планшетом, который мешает сохранять карнизы.

На секунду уголок его губ дрогнул, но он не улыбнулся.

— Вы точно не просто человек с планшетом.

— Очень лестно.

— Лейла...

— Нет, правда. Я, видимо, неправильно поняла. Это нормально. Просто лучше было бы понять раньше.

Она взяла сумку.

— Что именно вы неправильно поняли?

— Что нравлюсь вам.

Фраза вырвалась слишком быстро.

После неё в комнате стало тихо.

Лейла почувствовала, как горячими стали щёки, и почти возненавидела себя за эту откровенность.

Илья медленно подошёл ближе, но остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Вы мне нравитесь.

— Тогда почему вы от меня отстранились?

Он выдохнул.

— Потому что понял, что вы мне нравитесь.

— Потрясающая логика.

— Для меня вполне.

— Объясните.

Илья посмотрел в окно. Потом снова на неё.

— Вчера вы рассказали про человека, который решил за вас, что между вами что-то есть. Решил, что может ждать, требовать, задавать вопросы. Я не хочу стать ещё одним мужчиной, который будет давить на вас только потому, что ему чего-то захотелось.

Лейла растерялась.

Она ждала чего угодно: холодности, неуверенности, признания, что у него кто-то есть. Но не этого.

— И поэтому вы решили вообще ничего не делать?

— Я решил дать вам пространство.

— Не спросив, нужно ли оно мне.

Илья чуть опустил голову.

— Справедливо.

— Вы всё время так делаете?

— Что?

— Решаете быть правильным за двоих.

Эти слова задели его. Лейла увидела это сразу.

— Иногда, — сказал он после паузы.

— Очень удобно.

— Не всегда.

— А сейчас удобно. Вы ничего не рискуете.

— Это неправда.

— Тогда что вы рискуете потерять?

Илья посмотрел на неё прямо.

— Вас.

Лейла замолчала.

Он сказал это без пафоса. Почти буднично. Но именно поэтому слово прозвучало особенно сильно.

— Странный способ не потерять, — сказала она тише.

— Возможно.

— Вы даже не написали мне.

— Мы виделись каждый день.

— На работе.

— Да.

— И вы считали, что этого достаточно?

— Я считал, что если вы захотите продолжения, вы покажете.

— Каким образом? Внести в рабочий график пункт «Илья мне нравится»?

Он всё-таки улыбнулся.

— Это сняло бы часть вопросов.

Лейла тоже едва удержалась от улыбки, но злость ещё не прошла.

— Вы невозможный человек.

— Мне говорили.

— Бывшая жена?

Улыбка исчезла.

— В том числе.

Лейла поняла, что ударила туда, куда не собиралась.

— Простите.

— Ничего.

— Нет. Это было лишнее.

Илья кивнул.

— Было.

Она опустила глаза.

Некоторое время слышно было только, как на улице проезжают машины.

— Я после развода кое-что себе пообещал, — сказал он наконец.

Лейла подняла взгляд.

— Что?

— Никогда больше не делать из близости обязанность. Если человек рядом со мной, я хочу знать, что он выбрал это сам.

— А если человек ждёт, что выберете и вы?

— Тогда, наверное, мне нужно учиться говорить яснее.

— Это точно.

Он подошёл ещё на полшага.

Между ними осталось совсем немного места.

Лейла вдруг почувствовала, как сильно бьётся сердце. Несколько минут назад ей хотелось хлопнуть дверью. Теперь она слышала его дыхание.

— Я скажу ясно, — произнёс Илья. — Вы мне нравитесь.

Очень.

Она смотрела на него молча.

— И мне не всё равно, будете вы рядом или нет.

Лейла сглотнула.

— Но?

— Но я не собираюсь удерживать вас страхом, ревностью или обещаниями, которые вы не давали.

— Я сейчас не про Тимура.

— Я тоже.

Он говорил спокойно, но теперь в этом спокойствии не было дистанции.

— Мне вообще не всё равно, — продолжил Илья. — Просто я не умею делать из человека собственность.

Лейла почувствовала, как что-то внутри неё окончательно смещается.

Вот эта фраза была о нём. Не о Тимуре. Не о семье. Не о чужих ожиданиях.

О нём.

— Значит, если я завтра решу больше вас не видеть, вы просто пожмёте плечами?

— Нет.

— А что сделаете?

— Мне будет плохо.

Ответ прозвучал почти жёстко.

— И всё?

— Если когда-нибудь захотите уйти — уйдёте. Я не стану

держать.

— Даже если будете любить?

Илья на мгновение задержал взгляд на её лице.

— Особенно если буду любить.

Лейла молчала.

В другом мужчине она, возможно, слышала бы красивые слова. В Илье слышалась память о том, что уже однажды было потеряно.

— Вы думаете, любовь — это всегда отпускать?

— Нет. Любовь — это дать человеку возможность остаться.

— А если он не понимает, что вы хотите, чтобы он остался?

— Тогда я, как выяснилось, идиот.

Она неожиданно рассмеялась.

Напряжение треснуло.

Илья тоже улыбнулся.

— Наконец-то мы в чём-то согласны, — сказала Лейла.

— Я готов признать ошибку ради мира на объекте.

— Поздно.

— Что теперь?

— Не знаю.

Она сказала это и вдруг поняла, что знает.

Илья стоял близко. Достаточно близко, чтобы она могла увидеть тонкую складку между его бровями, когда он волновался, хотя старался этого не показывать.

Он не двигался.

Не касался её.

Ждал.

И в этом ожидании было больше желания, чем в любой попытке приблизиться.

— Вы всегда будете ждать, пока женщина сделает всё сама? — спросила Лейла.

— Нет.

— А сейчас?

— Сейчас я не уверен, что вы ещё не злитесь.

— Я злюсь.

— Тогда тем более.

Лейла посмотрела на него ещё секунду.

А потом сама сделала тот единственный шаг, который оставался между ними.

Она подняла лицо и поцеловала его.

Не осторожно, как делают люди, которые только проверяют возможность. И не поспешно. В её движении было всё раздражение последних дней, вся обида на его спокойствие и вся та нежность, которую она слишком долго пыталась назвать обычной симпатией.

Илья замер лишь на мгновение.

Потом его ладонь легла ей на талию.

Не притянула силой — просто удержала рядом, когда Лейла сама не отступила.

Поцелуй оказался совсем не таким, каким она его пред-

ставляла.

В нём не было победы.

Ни его, ни её.

Было узнавание.

Будто оба наконец перестали притворяться, что между ними ничего не происходит.

Когда Лейла отстранилась, Илья всё ещё держал ладонь у неё на талии, но сразу убрал её, заметив движение.

— Ну вот, — сказал он тихо.

— Что?

— Теперь я точно понимаю, что тот вечер что-то значил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.